

Южный край. Харьков, 1912. 3 мая. № 10746. С. 6.

Зиззати.

Цѣнители и цензора.

Хорошо извѣстно, что въ различныхъ медвѣжьихъ углахъ нашей катушки-Россіи даются зачастую такія специфическія, сногосшибательныя оцѣнки названъ писателямъ, произведеніямъ литературы и всякаго рода искусствъ, культурнымъ и просвѣтительнымъ начинаніямъ, что приходится разводить руками и столбѣть.

Въ какомъ-то Царевококшайскѣ, патри-мѣрь, недавно, когда на педагогическомъ совѣтѣ мѣстной прогимназіи заняла рѣчь о томъ, какія книги приобрести для ученичѣской бібліотеки и кто-то изъ преподавателей предложилъ, между прочимъ, книжку «Нестрыхъ разсказовъ» А. П. Чехова, одинъ изъ педагоговъ поднялся и заявилъ:

— Не стоитъ. Чеховъ—малораспространенный писатель.

Что данный педагогъ далъ такой отзывъ о Чеховѣ имѣлъ и заднюю мысль въ томъ сомнѣніи быть не можетъ:

— Чеховъ мозъ—новое теченіе. Прогрессивное направленіе мысли. Смущаетъ учениковъ—къ вольнодумству приучить.

Такъ думалъ онъ. И возрадовался, духомъ, когда и директоръ не утвердилъ покупку произведеній Чехова. И педагогъ радостно вотиралъ руки:

— Вотъ и начальство такого мнѣнія.

Если различные «цѣнители», обитающіе въ медвѣжьихъ углахъ, занимаются цѣнительствомъ сами про себя или среди своихъ родственниковъ, а то добрыхъ знакомыхъ, отъ этого послѣдствій великихъ приключиться не можетъ. Но, къ сожалѣнію случается какъ-то такъ, что сплошь да рядомъ всевозможные подобные «цѣнители» являются, такъ сказать, мѣстной предрѣжащей властью. Они бушуютъ, они дѣйствуютъ. И въ такихъ случаяхъ ономъ несчастное положеніе занимаютъ обыватели, мѣстные абортены.

Вотъ картинка съ натуры. Въ Виядавѣ одинъ лекторъ вздумалъ прочесть лекцію на тему: «Женщина въ своемъ историческомъ развитіи». Убѣдливый начальникъ на лекцію не далъ разрѣшенія, мотивируя свой отказъ слѣдующимъ образомъ:

— Зачѣмъ знать о какихъ-то женскихъ движеніяхъ и развитіяхъ? Все это вселяетъ въ умы жителей путаницу, а пользы отъ нея нѣтъ. Вотъ, можно читать о рыболовствѣ, о природѣ, скажемъ, о солнечномъ затмѣніи... Это простому народу будетъ и полезно, и пріятно послушать, и онъ еще спасибо скажетъ. Не говорю: для образованныхъ людей такая лекція, пожалуй, была бы какъ-разъ подстать, но развѣ образованный человѣкъ на нее пойдетъ? Напрямѣрь, убѣдливый врачъ или пачальникъ тюрьмы со своими супругами? Нѣтъ, не пойдетъ. А для народа эта лекція не подходяща».

Несчастливая Виядава, несчастный богоспасаемый градъ, который всѣ свои культурные запросы долженъ хоронить, такъ какъ надъ нимъ царствуетъ:

— Цензура убѣднаго начальника—юправника.

Бѣдные наши русскіе писатели. Въ нашей судьбѣ «что-то лежитъ роковое».

Какое дѣло убѣдному начальнику до всего—онъ самобытная патура.

Въ своемъ «цѣнительствѣ» онъ только руководствуется мыслью:

— Какъ въ соответствующихъ сферахъ посмотреть. Лекцію о женскомъ вопросѣ разрѣшивъ, а потомъ, пожалуй, выговоръ получишь. Подальше отъ грѣха.

Это «подальше отъ грѣха» катехизисъ нѣмъ подобныхъ цѣнителей и цензоровъ. «Подальше отъ грѣха» и:

— На высшее начальство зря.

А вотъ еще эпизодикъ.

Въ Курскѣ недавно состоялась художественная выставка. На эту выставку представилъ 40 этюдовъ «Ясной Поляны» художникъ А. Квачевскій. Мѣстная цензура рѣшила:

— Картины ничего себѣ. Чего ихъ не выставить?.. Но зачѣмъ «Ясная Поляна». Надоѣлъ и Толстой, и «Ясная Поляна». А потомъ какъ бы чего не вышло.

И запретило ничтоже смущающаго упомянутой выставкѣ?.. Но зачѣмъ «Ясная Поляна»?

И картины фигурировали на выставкѣ просто подъ заголовками:

— Прудъ вечеромъ. Березовая аллея. Усадьба.

Даже

— Скамейка въ лѣсу.

Бѣдное русское искусство.

И адѣсь та же «политика»:

— Подальше отъ грѣха.

«Скамейка въ лѣсу»—это вродѣ того, какъ двѣ институтки дали дружка дружку клятву называть Пушкина «симпатичнымъ брюнетомъ».

— Ая, что ты читаешь?

— Слѣдъ симпатичнаго брюнета.

В. Унковскій.